

ПИСЬМО СОБИНОВА

Исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося советского певца, народного артиста РСФСР Леонида Витальевича Собина. Ниже публикуется с некоторыми сокращениями письмо Л. В. Собина к В. П. Коломийцеву.

Письмо это представит для читателей несомненный интерес. В нем высказаны оригинальные творческие мысли одного из самых блестящих представителей русской вокальной школы.

БЕРЛИН. 2 марта 1908,

МОЙ МИЛЫЙ Виктор, прости, мой голубчик, что я до сих пор не ответил тебе на твое письмо и не поблагодарил тебя за заметку в «Руси».

...Я, конечно, не вижу общественного значения и в своих заслугах в Мадриде, но, право, когда дома приходится читать про себя заметки вроде того, что «остатками своего когда-то хорошего голоса могу еще производить впечатление», то невольно хочется, чтобы бестия, писавшие это, а другие, читавшие и соглашавшиеся с этим мнением, прочли где-нибудь в порядочном месте, что остатками голоса я произвожу иной раз и серьезное впечатление.

...Приехал я в Мадрид 24-го, а начал петь 30-го января. Закончил 28-го. За это время я спел 10 спектаклей и 4 концерта.

В концерте я все пел только русских авторов, при этом Чайковского («Ни слова, о друг мой») по-немецки, Римского-Корсакова две вещи («В темной роще» и «На холмах Грузии») по-французски. Очень понравился «Погоди», «Майская ночь», «Не ветер вея» Римского-Корсакова, «Средь шумного бала». Пел Аренского «Я на тебя гляжу с улыбкой» по-немецки. Пел Гречанинова песню Алехи из «Добрыни Никитича», пел романсы Николаева. Наконец, в мой прощальный вечер по мадридским обычаям между 2 и 1 актами «Искателей» в костюме Надира — арию Ленского под аккомпанемент оркестра по-итальянски.

...Надо отдать должное Мадриду, театру и его публике в том, что действительно интересно с артистической точки зрения. Пусть театр грязен, пусть там курят, как в провинции, в театральной курилке или на земляческой сходке, пусть постановки блещут вопиющей бедностью и нелепостью, балет — отсутствием красоты и грации, — пусть вообще уровень артистичности не высок, — но зато там больше, чем где-нибудь, применима перифраза: не о хлебе единок жив человек, а о глаголе, исходящем и т. д. Не постановками, не роскошью жива испанская душа, а звуком, исходящим из уст. И когда удается певцу ревниво следящую за ним аудиторию захватить и исторгнуть у нее вздох удивления, — то это значит, что было действительно хорошо.

Когда вместе с залом аплодирует и хор, и рабочие на сцене, и сторожа, — вот это значит, что искусство в данный момент исполнило свою первую священную заповедь: оно дошло до человеческой души и на безмерную высоту отделило ее в эту минуту от грешной неприхотливой оболочки. Это я говорю по совести. Эти минуты и для меня лучшие в жизни. Ради них я не спал ночей, шатался по комнате из угла в угол, мучительно решая вопрос, чего же мне не хватает в том или другом месте оперы, что мое исполнение не производит впечатления, которого ждали.

И я уехал из Мадрида в десять раз опытнее того, каким приехал. Я сам научился говорить с душой слушателя. И вот этим-то я считаю себя обязанным этой невообразимой, иной раз беспощадной публике райка. Она дала мне понять, в чем секрет укрощения этого чудовища, и я его постиг. За это я благодарен Испании безмерно. Я не знаю, решусь ли я на новый опыт, но если решусь, то поеду туда не новичком робким и боязливо оцупывающим почву, а смелым, уверенным в своем искусстве артистом.

Рядом с этой школой все остальное нуль. Вот это мне хочется сказать во всеуслышанье и, я надеюсь, найдутся люди, которым это будет интересно слышать, и другие, которым это заткнет ядовитую глотку.

Будь же здоров, мой друг...

Твой Леонид.

Советская культура
Г. Москва

23 ИЮН 1962